

Наталья ГОРЯЧЕВА

АНАТОЛИЙ ЛАТЫНИН. ХРАНИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

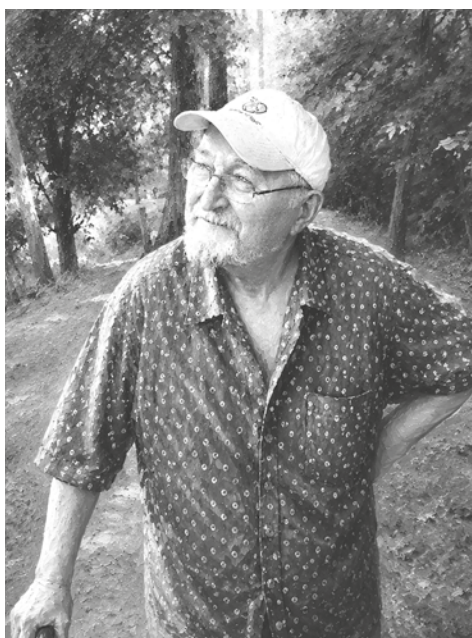
Есть люди, чья биография сама собой складывается в сюжет. В ней – разные города и страны, дороги и выбранный сердцем путь, друзья, оставившие след целой эпохи, любимое дело и новая Родина – сначала чужая, потом своя. А еще... искусство, которое протягивает нить между прошлым и настоящим. История художника Анатолия Латынина – именно такая. Две линии его судьбы – Казахстан и Чехия, Алматы и Прага. А между ними – советский период, ударные комсомольские стройки, редакции газет и журналов, мастерские и выставочные залы, дружба с известными людьми и коллегами по цеху, забота о молодых и, наконец, чужая страна, куда он приехал в 1997 году и остался навсегда.

Творчество Анатолия Латынина – это живая летопись эпохи, сотканная из городских пейзажей и одухотворенных портретов. А центральный сюжет его философии – магнетизм и гармония женского начала. Женщины на его полотнах излучают внутреннее сияние, и каждая из них – целая вселенная, запечатленная в одном мгновении.

Анатолий Латынин родился в Алматы в 1944 году. Здесь прошли его юность и годы профессионального становления. Он окончил художественно-графический факультет в Казахском педагогическом институте имени Абая – школу, ставшую настоящей кузницей кадров для национального искусства. Из стен этого факультета вышла плеяда выдающихся художников, признанных графиков, скульпторов и мастеров гобелена. Помимо Анатолия Латынина, это Ерболат Толепбай, Батима Заурбекова, Нәлли Бубэ, Шокан Толеш, Алексей Бегов, Токкожа Кожажулов и многие другие.

Но школа художника, как известно, не заканчивается дипломом. Напротив, с этого всё и начинается. Была стажировка в ленинградском Эрмитаже. Были редакции. Много лет Латынин являлся ведущим автором знаменитого республиканского сатирического журнала «Ара» («Шмель»). Советская жизнь, с ее вечным дефицитом, бесконечными очередями, бюрократией и бытовыми нелепицами прекрасно поддавалась сатире. Анатолий Латынин видел в этой повседневности смешное, а за смешным – человеческое. Его острые, остроумные рисунки стали визитной карточкой советской казахстанской сатиры.

Анатолий Иннокентьевич возглавлял и отдел иллюстраций одной из самых тиражных газет Казахской ССР – «Ленинской сменя». В 1978 году за серию изорепортажей с ударных комсомольскихстроек Экибастузского топливно-энергетического комплекса, Казахской Магнитки, БАМа и большую

работу по пропаганде изобразительного искусства среди молодежи он стал лауреатом премии Ленинского комсомола Казахстана в области литературы, искусства, журналистики и архитектуры. Латынин лично отправлялся на стройплощадки и создавал графические хроники, запечатлевая лица рабочих, индустриальные пейзажи и дух того времени. В его руках официальщина превращалась в живые рассказы – за цифрами и планами оказывались реальные люди, которые трудились, смеялись, влюблялись, писали домой письма и верили, что участвуют в чем-то большом и важном для страны.

Рисунки Анатолия Латынина вошли и в книги. Среди них, к примеру, «Ветка багульника» – документально-художественный сборник, посвященный строителям Байкало-Амурской магистрали, в том числе вкладу казахстанских рабочих и комсомольцев в эту легендарную стройку века. Тысячи казахстанцев по путевкам комсомола ехали на строительство, возводили поселки, прокладывали стальную магистраль через вечную мерзлоту и горы, привозя с собой частичку родной земли и дух интернациональной дружбы. Название «Ветка багульника» символизировало суровую, но живую и прекрасную природу Дальнего Востока, ставшую родной для строителей. Еще одна книга, о которой хочется сказать, это «Энергоград» – документально-художественный репортаж Евгения Гуслярова, изданный в издательстве «Жалын» в 1980 году, который рассказывает о трудовых буднях молодежи и строителях энергетического комплекса в Экибастузе. Сегодня, когда от многих строек остались лишь фотографии, пожелтевшие страницы и воспоминания стариков, понимаешь цену такой работы. Художник становится своего рода хранителем времени, фиксирующим в красках память о людях.

Через несколько дней после торжественного вручения премии Ленинского комсомола Анатолию Латынину позвонили из Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и пригласили на должность главного художника. Госкомиздат был мощным союзно-республиканским органом государственного управления в СССР, который полностью контролировал печатную отрасль, а должность главного художника, которую предложили Анатолию Латынину, – чрезвычайно престижной. Этот человек фактически определял стандарты оформления, художественный стиль, качество иллюстраций и дизайн всех книг, плакатов и альбомов, выпускавшихся в республике.

Сотрудничество с московской «Правдой» тоже началось со звонка, вернее, с письма. Еще в 1970-е годы в редакцию «Шмеля» пришло письмо из «Правды» с просьбой прислать для газеты политические карикатуры Анатолия Латынина. Уж больно понравились редактору его рисунки. Так началось еще одно сотрудничество. Потом художник работал уже в нашей «Казправде» (1982–1990-е годы). Этот период стал вершиной его творчества: сотни публикаций и портретов самых уважаемых людей труда. Причем все рисунки были опубликованы не только в республиканских СМИ, но и в пятнадцати журналах и газетах СССР.

В 1990-е Анатолий Латынин занял пост заместителя председателя Союза художников Казахстана. Это был период максимального расцвета его карьеры. Должность открывала широкие возможности для организации масштабных выставок, поддержки молодых авторов и развития художественной жизни республики. Немало художников благодаря Анатолию Иннокентьевичу получили возможность заявить о себе. Он многим помог. И сегодня они вспоминают его с благодарностью. Да и сам Анатолий Иннокентьевич с теплом говорит о своих друзьях-художниках по дороге жизни: Шарденове, Мамбееве, Абаеве и других. На пятом этаже здания Союза художников у них по соседству располагались мастерские. Там они встречались, показывали друг другу новые работы, обсуждали выставки, спорили об искусстве и говорили о жизни – о том, что никогда не попадет на страницы официальных биографий.

В статусе одного из руководителей Союза и признанного мастера графики Латынин курировал отправку творческих групп на знаковые объекты страны. Но административная работа не отдалила его от искусства: он продолжал работать, создавая циклы рисунков, в которых официальная хроника превращалась в живое художественное свидетельство времени.

В 1997 году Анатолий Иннокентьевич приехал по приглашению в Чехию для работы над международным проектом. Когда работа завершилась, его коллеги вернулись домой, а он решил остаться в Праге. Так началась новая глава его жизни и творчества.

Европейская карьера Латынина постепенно набирала обороты. Он трудился в разных жанрах, участвовал в выставках и представлял свои полотна в известных галереях Карловых Вар, Парижа, Барселоны, Венеции. Возле Лореты, одного из самых романтических мест старой Праги, открыл собственную художественную галерею. Казалось, так будет всегда...

Пандемия спутала все планы: галерею пришлось закрыть, а вместе с ней исчез и важный источник дополнительного заработка. Сегодня Анатолию Иннокентьевичу за восемьдесят, но он продолжает творить, экспериментировать и искать новые художественные решения. Ведь для мастера главное – лист бумаги, холст, карандаш и краски.

Мне кажется, в переезде Латынина в Европу есть особая символика: художник из Алматы, прошедший через советскую прессу, большие стройки и культурную жизнь Казахстана, оказался в старой Праге среди европейской архитектуры и вековой истории. Два совершенно разных мира. Но только не для творца. География всего лишь антураж, главное – муза, женщина. А женские образы Анатолия Латынина невозможно свести к традиционному понятию портрета. Это не столько внешность, сколько состояние: задумчивость сменяется холодным спокойствием, загадочность – импульсивным порывом. Женщина то застывает в статике, то кружит в танце, то ищет твой взгляд, то прячется от него. Порой на полотне лишь изгибы ее тела. Но, как ни странно, эти линии не требуют лишних деталей – они самодостаточны. В них страсть, упоение, воспевание женской энергии – свободной, естественной, не скованной стеснением и комплексами. И здесь особенно интересно сопоставить несколько сторон творчества Анатолия Латынина. С одной стороны, мы видим мужчин

А. Латынин
Лыжигодились для юрты

на стройках, рабочих, жесткий рисунок, репортажность. С другой – женский образ, тишину, интимность, музыкальность. А еще – невероятные городские пейзажи, захватывающие дух, виды Праги. Как всё это гармонично существует в творчестве одного человека?

Информации об Анатолии Латынине в интернете, к сожалению, немного. Сохранились лишь некоторые его карикатуры и публикации. Но мир сегодня открыт, и нам повезло встретиться с Анатолием Иннокентьевичем в Праге. Мы поговорили с ним о Казахстане и Чехии, о времени, которое прошло перед его глазами, о людях, которых ему довелось встретить, и, конечно, об искусстве.

– В самом расцвете сил, достигнув в Казахстане всех возможных высот и признания, будучи лауреатом многочисленных премий, Вы покидаете страну и уезжаете в Чехию. Знали ли Вы, что останетесь там навсегда?

– Вряд ли я об этом думал. Тогда передо мной стояли совершенно другие вопросы – житейские, практические. Про 90-е годы вряд ли нужно рассказывать людям моего поколения. Это было сложное время для всех, в особенности для людей творческих профессий. Люди выживали как могли. Поэтому, когда мне предложили интересный международный проект в Чехии, я не колебался – согласился сразу. Было любопытно попробовать себя... А ведь там тоже оказалось непросто: все мои коллеги вернулись, я же решил остаться на новом месте.

– По сути, Вы всё начали заново. Было трудно?

– Начинать всегда непросто. Приехав в Чехию, пришлось не только любоваться окружающей красотой, но и, как говорится, всесторонне ее изучать и изображать на своих полотнах. Я работал в разных техниках – гравюра, графика, живопись маслом, акварель. Писал виды Праги, портреты и еще много чего. И всё это было создано не единожды, а сотни раз. Так постепенно появилась возможность продавать свои работы. А затем удалось открыть семейную галерею, в которой каждый из нас принимал участие.

– Как коммерческое направление повлияло на Ваше творчество? Не было ли ощущения, что Вы теряете себя, или, напротив, появилось больше возможностей для самовыражения?

– Чем больше художник умеет, тем больше у него возможностей для творчества. Руки развязаны, вдохновение открыто для множества идей.

– В Казахстане у Вас был замечательный проект – художественнаяковка. Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее. Есть ли у Вас желание и возможность возродить этот проект, быть может, уже здесь, в Чехии?

– Это очень долгая история. Еще в 90-х годах я познакомился с известным в то время человеком, который с металлом разговаривал на «ты», скульптором Юрием Пархоменко. И у нас появилась своеобразная идея – организовать галерею кованых изделий. Это было еще до 1992 года. В общем, сперва мы ее создали, оформили в Алматы. Но дальше это дело не пошло. Хотя ряд работ Юры находился в центре нашего города.

Потом пришла идея создать Международную академию кузнечного искусства, привлекая туда не только творческих людей, но и специалистов смежных профессий – всех, кто мог работать с металлом.

Была у нас еще целая фирма, соучредителями которой мы были по строительству жилья. Поэтому, когда искали, где нам разместить эту фирму, мы побывали и в Москве, и на севере России, и в Твери. В конечном итоге на третий год остановились в Таганроге, открыв цех металлообработки, и в Сочи – для расширения изделий. Всё это подготавливалось долго и серьезно. Когда решался вопрос с финансами, мы уже подписали документы и в конце 1993 года поехали в Алматы. Но вы знаете, чем кончился 93-й. Никаких дальнейших идей не проплатили. Тема была закрыта... А здесь? Я не представляю, как реализовать подобный проект в Чехии. Это непростая тема и по финансам, и по воплощению.

– На одной из фотографий увидела Вас на Байконуре в компании с Тохтаром Аубакировым, который в этом году отмечает свое 80-летие. Расскажите, пожалуйста, об этой встрече. Какие еще яркие знакомства и судьбоносные встречи оставили особый след в Вашей жизни?

– Байконур. Я еще работал, как говорится, напоследок, в печати Совета Казахстана, в «Новой газете». И в конце года от этой газеты меня направили на Байконур – поработать, сделать портрет первого казахстанского космонавта, подарить еще кое-какие вещи и участвовать в создании космической эмблемы Казахстана, которую привез министр из Алматы. Он передал карандашный набросок, не знаю, кого именно, – но мне пришлось три дня работать над этой темой, создавать космическую эмблему с двумя фамилиями.

А помогал ее создавать и Алексей Леонов, первый космонавт, вышедший в открытый космос. Он активно участвовал вместе со мной и министром в работе над эмблемой. Ну, а я, по ходу, как говорится, написал не только портрет Тохтара Аубакирова, но и портрет Леонова, который остался у меня на память.

Были и другие портреты, наброски, но главное – Леонов. Мы за дни, проведенные на Байконуре, успели подружиться.

В дальнейшем космическая эмблема превратилась и в герб Казахстана. Только дальше – вообще без моего участия. Как говорится, всё где-то начинается и где-то заканчивается...

– **Вы написали множество портретов. И Абай, и Курмангазы...**

– Да. В 80-е годы министерство культуры часто заказывало портреты великих казахских деятелей... на подарки. Жамбыл, Курмангазы, Абай, Мухтар Ауэзов. Написал я и портреты балетмейстера Рамазана Бапова, художника Жанатая Шарденова и еще множество других. За серию портретов, опубликованных на страницах «Казахстанской правды», я получил премию имени Абая. А портреты Курмангазы были заказаны для открытия в Астрахани дома-музея Курмангазы.

– Сегодня Вы больше ощущаете себя казахстанским или чешским художником, или человеком, которому посчастливилось жить и творить сразу в двух культурах?

– Наверное, даже не в двух, а во множестве культур. Я ведь много стран повидал, путешествовал. Всё это откладывает свой отпечаток. Хотя главной темой для меня остается женщина. Ее красота, грация и та особая тайна, которую невозможно до конца разгадать.

– Если бы Вам предложили написать одну-единственную картину, которая рассказала бы всю историю Вашего пути – из Казахстана в Чехию, – что было бы изображено на этом полотне?

– Создать какую-то объединяющую, как говорится, главную работу жизни – это вопрос очень сложный. Потому что за всё время я нарисовал огромное количество картин, которые были опубликованы практически во всех изданиях Москвы и других городов. Про Алматы я даже не говорю. Это сотни, нет – тысячи портретов, зарисовок, рисунков.

Я вел изорепортажи, создавая графическую хронику того времени: как строилась Казахская Магнитка, цех белой жести, Энергоград (Экибастуз)... Потом оказался в Чехии. Но какой главный итог жизни? То, что я побывал практически везде – и во Вьетнаме, и в Италии, и во Франции, и еще во множестве стран. Не могу представить всё это в одной работе.

– Вы привезли Ваши картины в Прагу или они остались на Родине?

– Большая часть моих картин, созданных в Казахстане за долгие годы работы, начиная с телевидения, «Ленинской смены», «Казахстанской правды», «Горкомиздата», Союза художников, Совета Казахстана и так далее, я оставил. Подарок Родине! Двести работ отдал Центральному государственному музею республики Казахстан и тринадцать – Музею Кастеева.

Анатолий Иннокентьевич с супругой Людмилой Васильевной

– В завершение нашего разговора хочется спросить о Вашей музе – женщине, которая вот уже много лет идет с Вами рука об руку, вдохновляя и поддерживая. Какую роль она сыграла в Вашей жизни и творчестве?

Я знаю, что Ваш сын – Андрей – тоже выбрал путь художника. Сегодня он вернулся в Казахстан и уже довольно успешно представляет свои работы на выставках. Что Вы чувствуете, наблюдая за его творческим становлением? Видите ли в нем продолжателя своей художественной традиции, или это уже совершенно самостоятельный мастер? Вместо одного вопроса получилось два.

– Да. Моя муза – это, конечно же, моя жена. Я познакомился с ней в первый же день ее появления на казахском телевидении, на проходной. Это был 1967 год. А в 68-м мы поженились. И вот уже даже не знаю, сколько лет мы вместе. Не считал (смеется).

Практически всё – и журналисты, и художники, и фотографы, и хозяйственные дела – всё сходилось в ее голове, всё спорилось в ее руках и происходило при ее участии. Не представляю своей жизни без нее.

Эх, был бы я помоложе лет так на двадцать-тридцать, я бы вернулся в Казахстан, в родной Алматы. Кстати, в этом городе мы трое – жена, сын и я – родились в одном родильном доме, на улице Сейфуллина. Так что я хотел бы возвратиться. Но в таком возрасте, конечно...

Вот мой сын с удовольствием вернулся. Он не может жить без гор, без речек, без ранних восходов, без хождений по горным причудливым местам. Всё это он воплощает на своих полотнах. Мы с ним совершенно разные художники, и это хорошо. Наблюдая за его творческим становлением, я вижу, что он всё глубже и глубже развивает свои знания и возможности. Он, по-моему, сегодня один из главных художников-живописцев, которые создают пейзажи, художественные образы Алматы. Природа, ее красота – это вечно.